

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1163-1176
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1163

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Between Local and National History: Analysis of the Specifics of the Don Pre-Revolutionary Historiography

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the specifics of the Don pre-revolutionary historiography. This analysis is based on the concepts of N.A. Mininkov (who for the first time attributed the works of the Don pre-revolutionary authors to historiography, and not to historical science), S.I. Malovichko and M.F. Rumyantseva (who introduced the special term «local history» to define the works of amateur historians of the 19th century about their native land). The author chose as the object of analysis the work of the largest Don pre-revolutionary amateur historian A.A. Kirillov «Brief review of the history of the Don Cossacks». This text, written in 1909, largely systematizes and sums up the reflections of the Don pre-revolutionary authors on historical science.

The author shows that an unattainable goal for A.A. Kirillov and a number of his predecessors (A.A. Leonov, A.A. Karaseva, M.Kh. Senyutkina, etc.) was a book that would systematically and consistently describe the history of the Don Cossacks. The Don authors described this book clearly enough so that we could say that it could not be unambiguously attributed to local history (the history of the Don Cossacks had to be considered as an independent phenomenon, the scientific level of the book had to correspond to the practices of modern historians, and the competencies of Russian historians were considered insufficient to write a study about the Don Cossacks). However, the idea of interpreting the history of the Cossacks as a separate national history was categorically rejected, even cases of likening the early Don Army to an independent republic by professional Russian historians were condemned. As a result, the Don historiography occupied an intermediate position between the local history and the national history of the nation.

Keywords: historiography, local history, national history, Don Cossacks, amateur historians, historical writing.

1. Введение

Крайне специфическая и самобытная донская дореволюционная историография до настоящего времени не только не изучена, но и не осмыслена как особый, требующий отдельного изучения феномен. Этому в значительной степени способствует актуальная до сих пор практика составлять историографические обзоры в большинстве случаев не по научным традициям и школам, а по предмету изучения: даже сами донские дореволюционные историки-любители, четко отделяя себя от русских историков, в то же время составляли историографические обзоры не своей научной традиции, но истории Войска Донского. Однако автономность донской историографии от российской доказывает то, что признаваемые значимыми в российской историографии тексты по истории донского казачества в подобные обзоры донских авторов не попадали, зато в них оказывались ныне забытые работы казачьих историков-любителей. Таким образом, формировался параллельный общероссийскому ряд классиков донской историографии, в котором оказывались исключительно

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

казахчи или много лет жившие на Дону исследователи, но в который никогда не попадали профессиональные столичные ученые.

В этом отношении очень показательна самая первая попытка обозрения важнейшей литературы по истории Донского края, предпринятая донским казаком, – небольшое историографическое введение к тому о Земле Войска Донского в серии «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», написанному в начале 1860 гг. представителем одного из известнейших донских родов Н.И. Красновым. Он относился к профессиональным историкам с большим уважением и указывал в своем введении, что использовал труды «С. Соловьева, Н. Устрялова и Н. Костомарова» (Краснов, 1863: 2). Однако самих этих трудов в списке важнейших исследований по донской истории у него нет, зато представлены статьи местных авторов М.Х. Сенюткина, А.А. Попова и А.А. Леонова в «Донских войсковых ведомостях» (Краснов, 1863: 3). При этом, окончательно запутывая ситуацию, Н.И. Краснов включал в число важнейших исследований по истории Войска Донского две нещадно критикуемые им книги русских историков-любителей («История или повествование о Донских казаках» А.И. Ригельмана и «История Донского войска» В.Б. Броневского) (Краснов, 1863: 1).

Из этого примера видно, что даже сами донские авторы не могли четко сформулировать, как соотносятся общероссийская имперская и донская региональная историографии. Безусловно, имперская историография влияла на донских историков-любителей и они с огромным уважением относились к некоторым ее представителям, даже акцентируя внимание на связях с ними наиболее уважаемых местных авторов. Например, в 1866 г. в Новочеркасске был широко отмечен столетний юбилей Н.М. Карамзина, причем одна из публичных речей историка-любителя и журналиста А.А. Карасева была посвящена Н.М. Карамзину как старшему другу и наставнику наиболее влиятельного донского историка В.Д. Сухорукова (Артинский, 1907: 241-244). В заключение юбилея прозвучали стихи о Н.М. Карамзине еще одного историка-любителя и поэта А.А. Леонова:

Дни жизни лучшие и думы все свои
Смирный труженик, он посветил всецело
Бытописаниям отеческой земли.
Великий гражданин, великое он дело

На пользу родины со славой совершил (Артинский, 1907: 241-243).

Однако тот же А.А. Леонов был автором важной для развития донской историографии речи «О пособиях для изучения истории Войска Донского», в 1854 г. публично прочитанной в новочеркасской гимназии (Артинский, 1907: 382). И в ней он обвинил «наших ученых и литераторов и даже самих писателей русской истории» в том, что они не понимали казачества, а Донская земля оставалась для них «terra incognita» (Артинский, 1907: 384). В числе попавших под критику был и Н.М. Карамзин, критикуемый за то, что он, подобно большинству историков-профессионалов, «видел в общине донцов (в XVI–XVII вв. – Авт.) какую-то независимую республику», а не часть русского государства (Артинский, 1907: 384).

Так постепенно складывалась очень сложная и неоднозначная ситуация. С одной стороны, донские историки-любители связывали себя с российской историографией и от них даже исходили инициативы привлечь к написанию истории Войска Донского лучших российских ученых. Так, в конце 1870 гг. А.А. Карасев с разрешения действующего атамана вел соответствующие переговоры с Н.И. Костомаровым (Карасев, 1898: 593-599), а в 1900 гг. местный статистический комитет и войсковая администрация пытались привлечь к написанию официальной истории донского казачества В.О. Ключевского (Волвенко, 2006: 118-120). С другой стороны, в тех случаях, когда российские авторы высказывали какое-то ошибочное, с точки зрения исторической памяти донского образованного общества, утверждение о казачестве (а это происходило регулярно), они немедленно начинали рассматриваться местными историками-любителями как внешние авторы, не понимающие казаков. В частности, когда В.О. Ключевский поставил перед войсковой администрацией вопрос о том, требуется ли от него помощь в сочинении «правдивой истории» или «истории официальной с известными пропусками», старейшиной местных историков-любителей Х.И. Поповым была подготовлена докладная записка, в которой не только доказывалась некорректность поставленного классиком русской науки вопроса, но и утверждалось, будто бы в России нет профессиональных историков, достаточно знакомых с жизнью донских казаков, а без специального «введения в курс этой жизни» ученому разобраться «в малопонятном для него материале будет крайне затруднительно» (Волвенко, 2006: 119-121). Если донские авторы позволяли в таком тоне отвечать на вопросы самого В.О. Ключевского, понятно, насколько критично они относились к имперской профессиональной историографии в принципе.

Итак, донская историография существовала в значительной степени автономно от историографии российской, используя ее идеи и методы, но регулярно полемизируя с ней. При этом формальной сепарации произведено не было и сами донские историки-любители не смогли отрефлексировать, осмыслить сложившуюся ситуацию. Между тем после 1917 г. традиция донской дореволюционной историографии была разрушена или вытеснена в эмиграцию, где эволюционировала в направлении публицистики казачьего автономизма. Советская научная

историография донского казачества не является прямой наследницей донской дореволюционной исследовательской традиции: она сложилась преимущественно уже во второй половине XX в. как региональный вариант советской исторической науки, причем ее основоположники А.П. Пронштейн и А.И. Козлов не были казаками по происхождению, а А.П. Пронштейн вообще сформировался как ученый в МГУ (Мининков, 2018: 100-101).

И как раз в советский период сложилось достаточно искаженное и актуальное до сих пор представление о донской дореволюционной историографии. Основное внимание уделялось фигуре ее действительно важнейшего представителя В.Д. Сухорукова, который, однако, рассматривался не в специфически донском, но в общероссийском контексте, трактуясь как «историк-декабрист» (Линин, 1941). Остальные же дореволюционные исследователи Дона особенного внимания не привлекали, в том числе и по идеологическим соображениям: в их числе было много представителей казачьего дворянства и идейных консерваторов. Если специфические вопросы построения их нарратива и освещались советскими авторами, то преимущественно в критических целях: например, автор единственной советской монографии, специально посвященной Донскому краю второй половины XIX в., И.П. Хлыстов демонстративно ругал неназываемых дореволюционных реакционных донских историков за то, что они якобы «нередко сознательно искажали действительность и фальсифицировали историю Дона», затем, однако, давая положительную характеристику донским статистикам Н.И. Краснову и С.Ф. Номикосову, но исключительно за собранный фактический материал, без анализа их концепций и моделей повествования (Хлыстов, 1962: 9-10).

Распад СССР и смягчение идеологического диктата в исторической науке увеличили интерес к донским дореволюционным историкам-любителям. Увы, в наибольшей степени от этого выиграли одиозные и маргинальные авторы, особенно Е.П. Савельев, сторонник древнего происхождения казаков, книги которого ныне массово издаются, а творчество исследуется не только многочисленными сторонниками фольк-хистори, но и серьезными историками (Стегленко, 2015; Стегленко, 2016). На долю менее скандальных авторов приходится меньше внимания, но тем не менее почти забытые в советское время историки и статистики И.В. Тимошенко и Ф.К. Траилин удостоились даже отдельной монографии (Мининков, 2016). Тем не менее обобщающих трудов о донской историографии по-прежнему почти нет, а в тех немногочисленных работах, где соответствующие вопросы все же затрагиваются, нередко по-прежнему транслируется некритически воспринятая концепция историков советского периода, в соответствии с которой период между творчеством «декабриста» В.Д. Сухорукова (1820 гг.) и революционным началом XX в. имел мало значения для развития исторической науки на Дону. Так, И.Ю. Юрченко, попытавшийся написать обобщающий труд по историографии всего казачества, описывает этот период буквально на нескольких страницах, приходя к следующему выводу: «Официальная православно-самодержавная историография занимала господствующее положение вплоть до революции 1917 г.» (Юрченко, 2013: 88).

Принципиальную новизну для вопроса о взаимоотношениях донских и российских авторов имеют монография А.И. Агафонова «История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение)» (Агафонов, 2001) и статья Н.И. Мининкова «Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века» (Мининков, 2010). Однако в центре внимания А.И. Агафонова оказываются исторические источники, а поскольку методы работы с ними донские авторы преимущественно заимствовали из общеимперских практик, современный исследователь описывает в основном сюжеты, сближающие донскую историографию с имперской, например случаи взаимодействия донских историков-любителей со столичными научными обществами (с Академией наук, с Археографической комиссией и т.п.). Н.А. Мининков, напротив, ставит вопрос о специфике донской дореволюционной историографии как составного элемента донской казачьей культуры и приходит к оригинальным выводам, до сих пор не воспринятым в должной мере научным сообществом.

С точки зрения Н.А. Мининкова, творчество большинства донских дореволюционных авторов следует относить не к истории как науке, а к «истории как одной из важных отраслей духовной культуры человечества», и для лучшего понимания данного феномена ученый предлагает использовать для характеристики этого творчества термин «историописание», обозначающий совокупность любых текстов, как научных, так и откровенно ненаучных, «выражающих исторические взгляды своих авторов» (Мининков, 2010: 266-285). Идея для понимания донской дореволюционной историографии очень важная. С научной точки зрения большая часть нарративов донских дореволюционных историков-любителей достаточно слаба, и нередко в них просто реинтерпретируются факты, установленные В.Д. Сухоруковым. Соответственно, в рамках традиционного для советской историографии казачества подхода невнимание к данным работам вполне логично: в них мало информации об описываемых периодах донской истории, которая была бы одновременно достоверной и впервые вводимой в научный оборот. Однако, если рассматривать эти работы как произведения донской культуры и исходить из того, что в них важны не столько описываемые факты, сколько то, как их описывают и трактуют, оценка многих трудов донской дореволюционной историографии должна быть радикальным образом изменена: ее тексты много говорят об отношении казаков к истории, о том, как донские офицеры и чиновники, не имевшие

специального образования, понимали свое прошлое. Насколько нам известно, в других частях Российской империи нет такого обширного пласта любительской историографии, и, соответственно, работы донских авторов позволяют лучше понять, как видели свое прошлое обычные люди XIX в.

Кроме того, Н.А. Мининков показал, что уже в период зарождения донской дореволюционной историографии, в первой половине XIX в., в ней существовали принципиально различные формы историописания, причем к «официальной православно-самодержавной историографии» не сводилась ни одна из них. Он демонстрирует это на примере трех авторов: нарратив В.Д. Сухорукова был ориентирован на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина и в рамках представлений своей эпохи должен считаться научным; нарратив Е.Н. Кательникова отражал «массовое историческое сознание», фиксируя представления простого казака об истории родной и любимой станицы, далекие от объективности; наконец, нарратив В.М. Пудавова носил скорее философский, чем исторический характер, поскольку центральное место в нем занимал поиск некоего общечеловеческого высшего смысла существования казачества (Мининков, 2010: 266-285). Таким образом, в донской историографии существовали не просто различные течения, но различные подходы к построению своего повествования, то конкурировавшие между собой, то дополнявшие друг друга.

Однако, поскольку идеи Н.А. Мининкова должным образом не были осознаны другими историками донского казачества, термин «историописание» распространения в их среде не получил. Зато ими для обозначения донских историков-любителей часто используется термин «краевед», хотя современниками он никогда не применялся. Например, в одной из немногих современных работ, посвященных творчеству упомянутого выше Х.И. Попова, он уже в преамбуле именуется «выдающимся краеведом» (Камозин, 2006: 33). Между тем специалистами-историографами в последнее десятилетие, напротив, ставится под вопрос уместность использования термина «краевед» для обозначения авторов, писавших до начала XX в. В этом плане наиболее интересны некоторые тексты С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой, концептуально хорошо сочетающиеся с вышеуказанной работой Н.А. Мининкова. Дело в том, что эти исследователи также относят работы местных историков-любителей до начала XX в. к историописанию, «конструированию местной исторической памяти», не имеющему ничего общего с наукой, в то время как краеведение, с их точки зрения, все же «декларирует себя как часть научной историографии» (Маловичко, Румянцева, 2012а: 4-7). Соответственно, для работ местных историков-любителей дореволюционного периода С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева предлагают использовать не термин «краеведение», а термин «местная история» (Маловичко, Румянцева, 2012а: 5-6). Кроме того, с их точки зрения, несмотря на ненаучный характер, местная история четко ориентировалась на характерную для XIX в. классическую модель национально-государственной истории, выступая ее самым нижним уровнем (в то время как краеведение может существовать и независимо, «рядом» с национальной историей), но по мере профессионализации исторической науки труды по местной истории авторов-любителей все более маргинализировались (Маловичко, Румянцева, 2012а: 6).

Некоторые особенности донской дореволюционной историографии концепция С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой объясняет очень хорошо. Прежде всего, она корректно, в отличие от более традиционных подходов, описывает цель большинства донских авторов той эпохи: им действительно была важна популяризация локальной исторической памяти, как мы убедились выше, прямо противопоставляемой объективным исследованиям профессиональных историков, якобы не понимавших казачество. Объясняет она и инволюцию донской дореволюционной историографии, за сто лет от классического труда В.Д. Сухорукова не только так и не сумевшей развиться до исторической науки, но и не создавшей ни одного труда, равного ему: в рамках данной концепции любительский характер исследований донских авторов был непреодолимым недостатком, и по мере развития профессиональных методов исторического познания он все дальше отдалял историков-любителей от профессиональных историков. Однако в донской историографии есть и элементы, которые концепция С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой заведомо противоречат. Это, прежде всего, сама многовариантность местного историописания, включавшего в себя разные образцы повествования, в том числе и выходящие за рамки классической модели национально-государственной истории (например, философские, а не исторические штудии В.М. Пудавова). Но, возможно, еще важнее то, что донская дореволюционная историография фактически занималась не историей места: сами названия работ донских авторов, например «История о Донском Войске» (Попов, 1814) или «Историческое описание Земли Войска Донского (напомним, Земля Войска Донского – официальное название региона Российской империи до 1870 г. – Авт.)» (Сухоруков, 1867), показывают, что в центре внимания был специфический региональный институт – Войско Донское.

Таким образом, донская дореволюционная историография представляет собой интереснейший объект для изучения, возможно, крупнейший на территории России пласт текстов, фиксирующих историческую память не ученых XIX в. Однако для изучения этих текстов, в силу самой их специфики, необходимо создать специальный терминологический и методологический аппарат, а пока, в рамках консервативных исследовательских практик большинства историков казачества, он предстает нагромождением причудливых нарративов, в большинстве своем сомнительной научной ценности. Исследования Н.А. Мининкова, С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой демонстрируют одну

из возможных методик: тексты донских дореволюционных авторов нужно анализировать как относящиеся к историописанию, а не исторической науке, рассматривая их как труды по местной истории, а не краеведению. И, чтобы хотя бы в общих чертах обозначить особенности донской дореволюционной историографии, в своей статье мы проанализируем с подобных позиций ее важнейшие тексты.

2. Материалы и методы

Какие же тексты по истории Донского Войска представлялись важнейшими самим донским дореволюционным историкам-любителям?

Здесь нам поможет принципиальная для понимания донской дореволюционной историографии работа «Краткое обозрение истории о донских казаках» А.А. Кириллова (Кириллов, 1909). Он, хотя и не казак по происхождению, сам относится к числу наиболее значительных донских дореволюционных историков-любителей: с 1879 г. по 1920 г. преподавал в Донской духовной семинарии, был членом Донского статистического комитета и стал «своим» для других местных авторов. В 1900 г., когда в донских образованных кругах активно обсуждался вопрос о написании официальной истории донского казачества, А.А. Кириллов решил подготовить «Опыт библиографии донской истории» (Кириллов, 1909: форзац). В итоге и появилась небольшая книга, в которой описаны наиболее значимые, с точки зрения А.А. Кириллова, труды о прошлом донского казачества, большая часть которых предсказуемо принадлежит донским авторам. Что еще важнее для нас, А.А. Кириллов не просто попытался охарактеризовать отдельные тексты по истории донского казачества, но сделал выводы об их совокупности, об успехах и неудачах российских профессиональных историков и донских историков-любителей в изучении истории Войска Донского. Таким образом, мы располагаем развернутым исследованием дореволюционной историографии Войска Донского, выполненным одним из авторитетнейших донских историков-любителей, исследованием, в котором подробно описаны как многие существовавшие на 1909 г. отдельные работы по истории донского казачества, так и проблемные поля, по мнению А.А. Кириллова, уже изученные или, напротив, оставшиеся не исследованными более ранними авторами.

Благодаря «Краткому обозрению истории о донских казаках» и другим текстам донских дореволюционных авторов теоретического и историографического характера, мы можем не только понять, какие работы составляли своеобразный канон донской дореволюционной историографии, но и уяснить общепринятое отношение донских историков-любителей к этим работам. На этом основании мы попытаемся реконструировать историописательские идеалы донских дореволюционных авторов, их представления о гипотетической идеальной работе по истории донского казачества. В свою очередь, сопоставление этого идеала с концепцией местной истории С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой, а также классической моделью национально-государственной истории поможет нам уяснить, какое место занимала донская дореволюционная историография в контексте российской имперской историографии, в чем было ее сходство и отличие от общеимперских историописательских практик.

3. Результаты

По мнению А.А. Кириллова, донская история к началу XX в. оставалась изучена далеко не достаточно. Доказывая эту мысль, он приводил отрывки из уже известной нам речи А.А. Леонова «О пособиях для изучения истории Войска Донского»: «Все наши известия о судьбах и действиях донцов большей частью отрывочны, сбивчивы и неопределенны, не имеют характера самостоятельности, почти лишены всякой последовательности и разумной связи в ходе и причинах событий, и оттого мало понятны и объяснимы, даже настолько, насколько они необходимы в общем ходе русской истории» (Кириллов, 1909: 1). Затем А.А. Кириллов подчеркивал, что за полвека, прошедших со времени произнесения данной речи, так и не появилось «удовлетворительного исторического произведения о донских казаках, “как частного проявления отдельной массы русского народа, как исторической корпорации, общины, образовавшейся не случайно, но вследствие исторической необходимости” (в кавычках А.А. Кириллов цитирует еще один отрывок из речи А.А. Леонова – Авт.)» (Кириллов, 1909: 3). Таким образом, главной целью изучения донского прошлого, целью доселе не выполненной, для А.А. Кириллова и А.А. Леонова выступало написание некоей «правильной» истории Войска Донского. А.А. Кириллов даже заранее называл эту ненаписанную книгу «Историей о Донских казаках», выделяя ее название курсивом и указывая, что она должна быть «удовлетворяющей современным требованиям» и «обоснованной на неоспоримых фактических данных» (Кириллов, 1909: 3).

Из приведенных цитат следует, что уже самое целеполагание донских историков-любителей не вполне укладывается в рамки концепции «местной истории» С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой. Для А.А. Леонова и А.А. Кириллова донская история выступала не только нижним уровнем истории российской, но и должна была иметь некий «характер самостоятельности». Схожие идеи излагали и другие донские авторы, а яснее всего на этот счет выразился А.А. Карасев, предсказывая, что произойдет в будущем, когда Донское Войско окажется полностью интегрировано в Российскую

империю: «Тогда Донская история делается только эпизодом из истории России, потеряет колорит истории отдельной общины, политическое устройство которой, быт ее жителей, а также оригинальность и самобытность отношений ее к метрополии заслуживают, в историческом смысле, более счастливой участи» (Карасев, 1898: 599). Итак, с точки зрения местных историков-любителей донской истории только предстояло стать нижним уровнем истории российской. Но пока этого не произошло и история Войска Донского одновременно выступала и важной частью русской истории, и неким самостоятельным феноменом, четкого определения которому донские авторы не давали, используя различные формулировки вроде «история отдельной общины», история «исторической корпорации» или история «отдельной массы русского народа».

Логично, что в полной мере раскрыть самостоятельность и оригинальность донской истории, с точки зрения образованных казаков, можно было только в некоем обобщающем и популярном труде, дающем систематическое представление о донском казачестве с момента его возникновения. Судя по всему, местные историки-любители изначально хотели получить некий аналог «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Во всяком случае еще один местный автор, рассуждавший о необходимости написания донской истории, М.Х. Сенюткин, начинал свои рассуждения на этот счет так: «История, – говорит Карамзин, – есть в некотором смысле книга священная для народов, главная, необходимое зеркало их бытия и деятельности, завет предков потомству, дополнение настоящего и пример для будущего». Как ни ясны эти правдивые слова знаменитого историографа, придававшего такое важное значение национальной истории, на Дону до сих пор как-то худо осознается необходимость изучения последней» (Сенюткин, 1866: 157). Важно отметить, что М.Х. Сенюткин не позиционировал казаков отдельным народом и даже критиковал «прежних историков» за отказ считать казаков русскими (Сенюткин, 1866: 163). Однако при этом, как мы видим, гипотетический будущий главный текст по донской истории он видел построенным в соответствии с тем, что Н.М. Карамзин писал о национальной истории.

О том, насколько донские авторы хотели иметь некий «правильный», самостоятельный и систематический нарратив по истории Войска Донского, говорит уже сам выбор А.А. Кирилловым текстов для характеристики: он отбирал работы не по принципу их научной значимости, не по принадлежности авторов к местной донской или российской имперской историографии и даже не по тематическому принципу в современном понимании. Он считал нужным описать в первую очередь «ряд помянутых попыток создать надлежащую Донскую историю» (курсив А.А. Кириллова – Авт.), на этом основании отбрасывая все «справочные и специальные по частным вопросам издания» (Кириллов, 1909: 4). В результате большинство исследований российских ученых-профессионалов по истории казачества, описывающих, в соответствии с тенденцией возрастающей специализации в профессиональной науке, частные вопросы (например, труд С.М. Соловьева о К. Булавине), сразу отбрасывалось А.А. Кирилловым из числа наиболее важных работ о Донском Войске. Кстати, далее донской автор описывал собранные для гипотетической будущей «Истории о Донских казаках» материалы, однако и в их число попали преимущественно сборники документов и любительские публикации фактографического характера, а не аналитические работы профессиональных ученых (Кириллов, 1909: 21-40).

Соответственно, составленный А.А. Кирилловым список «попыток создать надлежащую Донскую историю» весьма специфичен. Обычно списки важнейших текстов по какой-либо теме предполагают положительные коннотации, даваемые составителем хотя бы части этих текстов. Однако список А.А. Кириллова носит ярко выраженный критический характер уже потому, что это перечисление якобы неудачных попыток написать историю Войска Донского. При этом показательно, что те же самые тексты описываются и в других историографических обзорах донских авторов дореволюционного периода, причем со схожими критическими оценками: например, в речи «О пособиях для изучения истории Войска Донского» А.А. Леонова (Артинский, 1907: 380-390), в предисловии к донскому тому «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» Н.И. Краснова (Краснов, 1863: 1-7) и в записке А.А. Карасева о степени изученности донской истории, написанной в связи с попыткой привлечь к ее написанию Н.И. Костомарова (Карасев, 1898: 594-599). Сходство порой просто разительное: первые четыре разбираемые работы у А.А. Кириллова и Н.И. Краснова совпадают даже в порядке перечисления. При этом стоит отдельно отметить, что «Краткое обозрение истории о донских казаках» А.А. Кириллова создано незадолго до 1917 г. и в некотором роде подводит итог донской дореволюционной историографии, суммируя мнения на ее счет предшественников. Соответственно, приводимый в данной книге список работ с их оценками можно рассматривать как итоговый для рефлексий на эту тему донских дореволюционных исследователей.

Итак, специфическую донскую историографию сами местные историки-любители начинали с трех сильно критикуемых работ, с их точки зрения скорее демонстрирующих, как не надо писать. Речь идет о созданных в конце XVIII – начале XIX вв. «Истории или повествовании о Донских казаках» генерала регулярной российской армии А.И. Ригельмана («в существе своем это и не история, а исторический очерк» – А.А. Кириллов) (Кириллов, 1909: 5); «Истории о Донском Войске» директора Новочеркасской гимназии казака А.Г. Попова («господин Попов углубился в такую даль

веков и захватил такой исторический период, для которого не было и нет в местных архивах данных; недра же Донской земли не открыли ему своих сокровищ» – А.А. Кириллов) (Кириллов, 1909: 6); «Истории Донского Войска» еще одного генерала регулярной армии В.Б. Броневского («нестройная масса фактов, известий и сообщений – без связи, без внутренней идеи и цели» – А.А. Кириллов) (Кириллов, 1909: 8).

Для нас наиболее примечательно то, что как раз негативно оцениваемые А.А. Кирилловым черты трех данных работ типичны для местной истории, в соответствии с концепцией С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой. Перечисляя типичные для дореволюционной местной истории историописательские практики, С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева приводят ряд примеров, когда любителей, занимавшихся местной историей в Российской империи, критиковали как раз за бессистемное перечисление в нарративе интересных или забавных, с их точки зрения, фактов, и еще больше примеров, когда эти любители искали или сочиняли древнее прошлое своему локусу (Маловичко, Румянцева, 2012b: 16-22). Как мы видим, на начальном этапе подобные практики историописания были характерны и для донской историографии, однако затем с ними начали бороться сами историки-любители: как мы видим, они считали неприемлемым для гипотетической «надлежащей Донской истории» как обращение к баснословным временам, о которых нет достоверных свидетельств, так и бессвязность нарратива, причем именно в смысле отсутствия в нем внутренней логики.

Как нам представляется, главной причиной перелома в донской историографии стал текст, который идет четвертым в списках важнейших трудов по донской истории Н.И. Краснова и А.А. Кириллова: «Историческое описание Земли Войска Донского», автором которого традиционно считают одного из первых донских казаков с университетским образованием, В.Д. Сухорукова (в действительности В.Д. Сухоруков руководил целым коллективом, работавшим над этой книгой, однако вопрос о степени вклада его помощников в итоговый труд остается до конца не выясненным). Данный труд оценивался донскими историками-любителями очень высоко. «Первый серьезный труд по изучению прошлого Донского казачества с начала XVI и до начала XVIII столетия, обоснованный на документальных данных и других материалах, критически проверенных», – писал о нем А.А. Кириллов (Кириллов, 1909: 17-18). «Этот труд составляет основу Донской истории (выделение А.А. Кириллова – Авт.)», – добавлял он (Кириллов, 1909: 18). А когда в начале XX в. местными донскими авторами был подготовлен сборник биографий наиболее выдающихся донских казаков XIX в., от генералов до поэтов, В.Д. Сухоруков позиционировался в нем как автор лучших трудов по истории донского казачества (второе место отводилось Х.И. Попову) (Донцы..., 2003: 407).

Оставим за пределами нашего исследования вопрос о причинах популярности В.Д. Сухорукова в среде донских казаков (они могли быть связаны не только с бесспорным достоинством его текста, но и с репутацией мученика за казачьи привилегии, которую имел данный автор) (Краснов, 1881: 32-50). Для нас важно то, что его нарратив высоко оценивается и современной наукой. Н.А. Мининков выделяет следующие особенности историописания В.Д. Сухорукова: 1) явная ориентация на творчество Н.М. Карамзина; 2) наличие полноценной концепции донской истории, основанной «на представлении о Войске Донском как о свободном сообществе, принципиально отличавшемся от несвободной внутренней России»; 3) соответствие уровню науки своего времени (Мининков, 2010: 266-285). Таким образом, текст В.Д. Сухорукова одновременно в полной мере принадлежит и к российской имперской научной историографии (в ее рамках В.Д. Сухоруков методологически выступает учеником Н.М. Карамзина, а идейно – историком-декабристом), и к донской казачьей любительской историографии (в ней В.Д. Сухоруков сам оказывается в роли своеобразного «донского Карамзина», автора, чей текст впервые перевел любительскую историографию на научный уровень, став образцом и основой для дальнейших исследований). Как нам представляется, подобная ситуация была возможна только в начале XIX в., до полной профессионализации исторической науки: В.Д. Сухоруков, активно взаимодействовавший не только с Н.М. Карамзиным, но и, например, с П.М. Строевым (Сухоруков, 1903: 4), уже соприкасался с кругом профессионализирующихся столичных историков, но при этом еще оставался своим для донского образованного общества. Позднейшие же донские авторы не имели такого соприкосновения с профессиональными историками, и поэтому, являясь классиками местной донской историографии, в научной российской историографии оказывались в положении заведомых маргиналов, не владеющих методикой исследования. С другой стороны, донские казаки, ставшие профессиональными учеными, обычно переставали быть своими для местного общества: так, нет никаких сведений о контактах донской интеллигенции с Г.К. Ульяновым, донским казаком по происхождению, филологом, доктором наук и ректором Варшавского императорского университета. Итак, именно «Историческое описание Земли Войска Донского» стало своеобразным эталоном для донской любительской историографии, и позднейшие донские историки, несмотря на любительский статус и незнание все усложняющейся методологии профессиональной науки, желали иметь историю Войска Донского, основанную на документах и «критически проверенную», т. е. соответствующую уровню лучших исторических нарративов хотя бы начала XIX в.

Более того, А.А. Кириллова в качестве основополагающей истории донского казачества не удовлетворяло и «Историческое описание Земли Войска Донского». Показательно, что и здесь он не формулировал собственного мнения, но приводил мнение другого донского историка-любителя, А.А. Карасева, что еще раз демонстрирует характер «Краткого обозрения истории о донских казаках» как итогового для донской дореволюционной историографии произведения и позволяет говорить о распространении приводимой позиции в донском образованном обществе. С точки зрения А.А. Кириллова и А.А. Карасева, «Историческое описание Земли Войска Донского» было основано на «отживших уже теперь, однако, существовавших во время его составления приемах», сильно пострадало от цензуры и, наконец, просто не содержало информации по большей части истории XVIII в. и всему XIX в. (Кириллов, 1909: 18-19). Как мы видим, запросы донских любителей истории были очень велики, и фактически даже нарратив В.Д. Сухорукова воспринимался ими как методологически устаревший. Донские авторы не знали современной методологии истории, но не сомневались, что гипотетическая «История о Донских казаках» должна основываться на самых новых, а не устаревших «приемах» изучения истории.

Но написанная подобным образом история Донского Войска неизбежно стала бы важным произведением не только в донской, но и в российской имперской историографии, фактически первой высококлассной региональной, а не национальной историей в Империи. Возможно, пониманием этого объяснялись и попытки донских историков-любителей привлечь к написанию подобного труда российских историков первой величины. Во всяком случае, уже А.А. Леонов в речи «О пособиях для изучения истории Войска Донского» помещал гипотетическую «правильную» историю донского казачества не только в местный контекст, но и в контекст «русской истории»: «Будущему историку Дона предстоит завидная и прекрасная участь оправдать донцов перед судом потомства, смыть с них те пятна, которыми заклеямили их недоброжелательство или простодушное невежество летописцев и писателей позднейших, и объяснить самую политику русского правительства в отношении к казакам, и вообще показать их такими, какими они были действительно, а не в том виде, в каком изображала их доселе русская история» (Артинский, 1907: 389). Итак, донским авторам нужен был труд, который перевернет представления о казачестве, раскроет славу Войска Донского во всем ее величии, изменит место казаков в русской истории, но одновременно будет опираться на критически проверенные документы и соответствовать последнему слову исторической науки.

Понятно, что чем дальше, тем более невероятным становилось написание подобного труда непрофессионалом. Профессионалом он тоже не мог быть написан: история донского казачества воспринималась российскими историками достаточно объективно, и предпосылок для полного ее пересмотра в контексте «оправдания донцов перед судом потомства», т.е. их идеализации и героизации, просто не существовало. И, ища варианты решения в действительности неразрешимой задачи, донские авторы обращались к новым, прежде им неизвестным способам историописания, в добавление к модели нарратива местной истории (представленной в трудах А.И. Ригельмана, В.Б. Броневского и А.Г. Попова) и модели карамзинского нарратива национальной истории (представленной в труде В.Д. Сухорукова).

В этом плане показательно, что под пятым номером в списке «попыток создать надлежащую Донскую историю» у А.А. Кириллова перечислено сразу несколько крайне разнородных текстов, написанных в середине XIX в. Из их авторов А.А. Кириллов оценивал выше всего, очевидно, редактора «Донских войсковых ведомостей» М.Х. Сенюткина, об одном тексте которого в «Кратком обозрении истории о донских казаках» сообщается, что он «служит новым обоснованием и продолжением взгляда Сухорукова» и «заслуживает особого внимания» (Кириллов, 1909: 19-20). Действительно, М.Х. Сенюткин задумал написать донскую историю на основании прежде не изучавшихся архивных документов, но как раз достаточно серьезный и научный подход помешал ему в этом: не имея помощников, исследователь за четыре года «успел только описать (и то не вполне) военные действия донцов за десять лет», после чего прекратил свои попытки (Кириллов, 1909: 19). Неудачный опыт М.Х. Сенюткина, на наш взгляд, лучше всего показывает еще одну причину, по которой для отдельного автора было крайне затруднительно написать гипотетическую «настоящую», полноценную историю Донского Войска, соответствующую требованиям донских историков-любителей: чтобы исследование, полноценно описывающее историю Войска Донского с XVI в. по XIX в., хотя бы приблизительно соответствовало требованиям современной науки, нужно было проделать огромную архивную работу, возможную только для коллектива исследователей. Кстати, В.Д. Сухоруков, как мы упоминали выше, как раз руководил подобным коллективом, и даже сторонники его единоличного авторства для собственно текста «Исторического описания Земли Войска Донского» признают существенный вклад его помощников в предварительную архивно-поисковую работу (Коршиков, Королев, 2001: 7-18). А уже в начале XX в. автор классической «Истории Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербина, получив заказ на написание истории казачьего войска, прямо заявил, что подобный труд непосилен для «единичных лиц», и добился выделения ему группы помощников для архивного поиска (Щербина, 1910: II). В итоге М.Х. Сенюткину на основе архивных находок удалось написать несколько качественных, хотя и

методологически наивных любительских статей по частным вопросам истории казачества, но к написанию полноценной истории Войска Донского он даже не приблизился. Показательно, что две его статьи были опубликованы авторитетными столичными изданиями: «Современником» (Сенюткин, 1854) и «Военным сборником» (Сенюткин, 1860). Обратим внимание на забавный поворот логики А.А. Кириллова: близкие к профессиональной историографии работы М.Х. Сенюткина вошли в список важнейших текстов по истории Войска Донского потому, что появились в результате неудачной попытки написать полноценную историю донского казачества, но аналогичные работы других авторов, не ставивших изначально столь амбициозных целей, в данный список не попали (даже оставляя за пределами нашего рассмотрения профессиональных ученых, отметим, что в столичной прессе с качественными статьями по частным вопросам донской истории активно публиковался Н.И. Краснов) (Краснов, 1875; Краснов, 1881).

Любопытен сам факт включения А.А. Кирилловым в число попыток написать историю Войска Донского тома о Земле Войска Донского из «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба», написанных, как мы упоминали выше, Н.И. Красновым. Дело в том, что данное сочинение представляло собой достаточно стандартное для российской имперской историографии историко-статистическое описание края, в котором основное внимание уделялось современной статистике и географии (Кириллов, 1909: 20). Более позднюю работу этого жанра, описывающую территорию Донского Войска и написанную донским автором, – «Статистическое описание Области Войска Донского» С.Ф. Номикосова (Номикосов, 1884) – А.А. Кириллов в своем историографическом обзоре не упоминает вовсе. Да и Н.И. Краснова он критикует как раз за следование избранному жанру, за краткость собственно исторического описания, тут же оговариваясь, что географические и статистические разделы в разбираемой книге «несравненно лучше, капитальнее и подробнее» (Кириллов, 1909: 20). Вероятно, подобное внимание к работе Н.И. Краснова, изначально не предназначенной служить полноценной историей донского казачества, объясняется тем, что именно в рамках этой работы впервые было опубликовано хотя и краткое, но исторически достоверное систематическое описание истории Донского Войска («Историческое описание Земли Войска Донского» на момент издания книги Н.И. Краснова еще оставалось в рукописи).

Что касается упомянутого выше В.М. Пудавова (казачьего полковника, на досуге занимавшегося историческими и философскими исследованиями), то А.А. Кириллов критикует его за желание «пооригинальничать», не давая общей оценки творчеству этого исследователя (Кириллов, 1909: 21). Действительно, нарратив В.М. Пудавова абсолютно оригинален: он в своем творчестве пытался произвести переворот в российской историографии, желая создать «историческую критику, согласную с преданием» (в противовес существующей исторической критике, основанной на рациональном мышлении) (Пудавов, 1890: 91). Творчество этого донского автора заслуживает отдельного исследования, поскольку его работы в принципе не укладываются в классическую модель национально-государственной истории: он пытался написать историю русского мира (термин, действительно использовавшийся В.М. Пудавовым), духовные ценности и идеалы которого, ярче всего выраженные в казачестве и противостоящие западным ценностям и идеалам, восходили к скифским временам (Пудавов, 1890: 87-91).

Наконец, последней попыткой создать полноценную историю донского казачества А.А. Кириллов считал «Трехсотлетие Войска Донского» секретаря Донского статистического комитета А.М. Савельева, сборник исторических очерков, изданный к юбилею (Кириллов, 1909: 21). Этот сборник, представляющий собой компиляцию фактов из собранных предыдущими исследователями исторических актов и изданной литературы, снова можно однозначно отнести к модели местной истории, предлагаемой С.И. Маловичко и С.Ф. Румянцевой, подобно тем текстам, с которых начиналась донская историография. Впрочем, поскольку А.М. Савельев опирался на исследования В.Д. Сухорукова, маргинальные теории о древнем происхождении казачества его не привлекали.

Итак, в предложенном А.А. Кирилловым своеобразном каноне основных попыток написать историю донского казачества – восемь работ (две – генералов русской регулярной армии, шесть – донских историков-любителей, и ни одной, созданной профессиональным историком). Четыре работы (тексты А.И. Ригельмана, А.Г. Попова, В.Б. Броневского и А.М. Савельева) могут быть отнесены к модели местной истории, хотя и с некоторыми оговорками: в частности, в них описывается не история места, а история общины донских казаков. Однако как раз эти работы оценивались донской историографической традицией, а вслед за ней и А.А. Кирилловым достаточно низко. Текст Н.И. Краснова попал в список попыток написать историю донского казачества случайно, по ситуационным причинам, а в действительности он представлял собой качественную реализацию типичной для российской имперской историографии модели историко-статистического описания, с акцентом вообще не на историю, а на статистику и географию. Две работы, оцененные А.А. Кирилловым выше всего (тексты В.Д. Сухорукова и М.Х. Сенюткина), демонстрировали явную близость к современной им профессиональной науке: В.Д. Сухоруков в 1820 г. прямо ориентировался на нарратив Н.М. Карамзина, а М.Х. Сенюткин в 1850 г. вообще вместо любительской истории Войска Донского написал две достаточно качественные исторические статьи, приемлемые для столичной прессы. И наконец, исследование В.Д. Пудавова настолько своеобразно,

что не укладывается даже в характерную для XIX в. классическую модель национально-государственной истории, пытаясь предложить вместо нее свою.

Рассмотренные тексты позволяют нам сделать вывод о том, что историописательские практики местной истории донских историков-любителей явно не устраивали, прежде всего по той причине, что на Дону отказывались считать историю казачества нижним уровнем национальной истории России. С точки зрения местных исследователей, история Войска Донского была очень важна и должна была изучаться не любителями, а лучшими профессионалами, с использованием наисовременнейших методов исторической науки. Однако сами перейти на профессиональный уровень историописания донские авторы были не готовы как по объективным причинам (отсутствие в области Войска Донского университета, поголовная военная/чиновная служба образованных казаков), так и по субъективным (нарративы профессиональных историков не устраивали донское общество недостаточной героизацией казаков). В результате новые попытки написать полноценную историю Донского Войска постепенно сходят на нет: последние по времени создания работы в списке А.А. Кириллова относятся к 1860 гг. (тексты Н.И. Краснова и А.М. Савельева). Зато в 1850–1900 гг. на Дону регулярно выходят тексты, в которых даются советы о том, как следует писать гипотетическую будущую историю Войска Донского (помимо работ А.А. Леонова, М.Х. Сенюткина, А.А. Кириллова и А.А. Карасева, на которые мы ссылались выше, статью о своих взглядах на «правильную» историю донского казачества написал даже Е.П. Савельев, сторонник фантастических теорий о древнем происхождении казаков) (Савельев, 1908).

И, таким образом, в 1870–1900 гг. донские дореволюционные историки-любители существовали в крайне специфической, и притом дискомфортной ситуации. Их исследования (А.А. Кириллов выделял сбор и публикацию исторических документов, работы по церковной истории, открытие музея и т. д.) (Кириллов, 1909: 21–31) представлялись самим авторам недостаточно важными, в лучшем случае подготовительными, способными стать материалом для грядущей гипотетической «настоящей» истории донского казачества, но не ведущими прямо к созданию этой истории. В подобных условиях, возможно, их модель историописания действительно приближалась к местной истории. Однако переход к этой модели носил вынужденный характер. Судя по всему, к 1870 г. донские авторы осознали, что им не под силу написать такой труд, какого они хотят, труд, принципиально важный не только для донской, но и для российской имперской историографии. И в этой ситуации разумной стратегией представлялась как раз концентрация на частных исследованиях, посильных историку-любителю, однако полезных для будущего профессионального автора истории Войска Донского.

5. Заключение

Итак, мы можем сделать предварительный вывод о том, что в первую очередь определяло своеобразие донской дореволюционной историографии. Как минимум с 1820 гг., когда появилось ставшее образцовым «Историческое описание Земли Войска Донского» В.Д. Сухорукова, содержавшее «представление о Войске Донском как о свободном сообществе, принципиально отличавшемся от несвободной внутренней России», сама донская история начала трактоваться местными авторами двояко: одновременно и как часть истории России, и как некое самостоятельное целое, нуждающееся в собственном систематическом описании и при этом значимое для широкого круга лиц, а не только казаков. Сами донские историки-любители не могли четко сформулировать, что представляет собой это целое: они использовали формулировки «отдельная масса русского народа», «корпорация», «община» и т. д. Соответственно, с точки зрения донских историков-любителей, написание значимых текстов по донской истории было выше их уровня и к нему нужно было привлечь историков-профессионалов. В текстах донских авторов даже содержатся прямые предсказания о том, что будущая гипотетическая история Войска Донского станет важным явлением в российской науке.

Однако профессиональные историки России, с точки зрения донской образованной публики, были недостаточно квалифицированы именно в области истории казачества. Таким образом, не исключаясь из истории России как государства, история донского казачества де-факто исключалась из предметного поля русской истории как науки. В итоге возникали две параллельные историографии – историография России и историография Войска Донского, со своими классиками, методами и традициями. Как нам представляется, логическим завершением этой тенденции было бы постепенное полное разграничение российской и донской историй, формальное выделение последней в отдельную предметную область, как произошло с историей Украины и Беларуси.

Однако до начала XX в., когда возник казачий национализм (как нам представляется, во многом подготовленный подобной историографической ситуацией), донские историки, в отличие от украинских, не мыслили себя вне истории России. Как мы показали выше, А.А. Леонов критиковал самого Н.М. Карамзина за то, что тот считал, будто бы у казаков когда-то была своя воинственная республика. Все разобранные А.А. Кирилловым попытки написать донскую историю также предполагали создание истории корпорации, Донского Войска, или территории Земли Войска Донского, но никак не отдельной нации или государства. И в результате творчество донских

историков-любителей все больше приобретало черты своеобразной неудовлетворенности, недовольства написанным, крайне специфической ситуации, когда авторитетнейшие местные авторы публиковали разного рода сочинения о необходимости написания новой истории донского казачества, соответствующей требованиям современной науки, но после 1870 г. ни один местный историк-любитель не сел писать подобный текст, включая даже Х.И. Попова, которого современники считали вторым по значению донским историком после В.Д. Сухорукова (в этой связи интересно отметить, что подобный статус Х.И. Попову принесло создание Донского музея, который, как считал А.А. Кириллов, имел наибольшее значение из всех проектов донских историков-любителей для сохранения памятников казачьей старины, в том числе и архивных, для тех времен, когда наконец начнется написание гипотетической «Истории о Донских казаках» ((Кириллов, 1909: 30).

Таким образом, донская дореволюционная историография заняла промежуточное положение между местной историей и национальной историографией народа, входившего в состав империи. В ней причудливо сочетались полностью любительский характер и определенная автономия от имперской историографии, непонимание методов современной исторической науки и огромное желание уровню этой науки соответствовать. И все это дополняли черты определенной нестабильности: местные историки существовали в режиме недовольства, мечтая получить некий «правильный» нарратив, «настоящую» историю донского казачества, которая в итоге так и не была написана.

Литература

- Агафонов, 2001 – Агафонов А.И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов-на-Дону, 2001. 384 с.
- Артинский, 1907 – Артинский И.П. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск, 1907. 469 с.
- Волвенко, 2006 – Волвенко А.А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) / Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 115-125.
- Донцы..., 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Камозин, 2006 – Камозин Э.Э. Неопубликованные исторические заметки Х.И. Попова и развитие донской региональной исторической науки второй половины XIX – начала XX века // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2006. № 2. С. 33-36.
- Карасев, 1898 – Карасев А.А. История донской истории // *Русский Архив*. 1898. Кн. 12. С. 593-599.
- Кириллов, 1909 – Кириллов А.А. Краткое обозрение истории о донских казаках. Новочеркасск, 1909. 41 с.
- Коршиков, Королев, 2001 – Коршиков Н.С., Королев В.Н. Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» / Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7-18.
- Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1875 – Краснов Н.И. Алексей Васильевич Иловайский, атаман Войска Донского // *Русская старина*. 1875. Т. XII. С. 701-718.
- Краснов, 1881 – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Борьба Чернышева с войсковыми атаманами // *Русская речь*. 1881. № 8. С. 32-64.
- Линин, 1941 – Линин А.М. Историк Войска Донского В.Д. Сухоруков и А.С. Пушкин / А.С. Пушкин на Дону. Ростов-на-Дону, 1941. С. 94-152.
- Маловичко, Румянцева, 2012a – Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // *Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания*. Ижевск, 2012. С. 3-10.
- Маловичко, Румянцева, 2012b – Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки // *Региональна історія України*. Київ, 2012. Вип. 6. С. 9-22.
- Мининков, 2010 – Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века / Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 266-285.
- Мининков, 2016 – Мининков Н.А. Исследователи Дона Иван Васильевич Тимощенко и Федор Калинич Траилин. Ростов-на-Дону, 2016. 164 с.
- Мининков, 2018 – Мининков Н.А. Научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин А.П. Пронштейна в ИИМО ЮФУ // *Новое прошлое / The New Past*. 2018. № 1. С. 98-119.
- Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- Попов, 1814 – Попов А.П. История о Донском войске. Харьков, 1814. 198 с.
- Пудапов, 1890 – Пудапов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. 328 с.

- Савельев, 1908** – Савельев Е.П. Как нужно писать историю вообще, а донского казачества в частности // *Донские областные ведомости*. 1908. № 219. С. 3-4.
- Сенюткин, 1854** – Сенюткин М.Х. Военные действия донцов против крымского хана Девлет-Гирея и самозванца Пугачева // *Современник*. 1854. Т. XLVI. С. 43-131.
- Сенюткин, 1860** – Сенюткин М.Х. Военные действия донцов против ногайских татар в 1777–1783 гг. // *Военный сборник*. 1860. № 8. С. 345-390.
- Сенюткин, 1866** – Сенюткин М.Х. Донцы. Ч. 2. М., 1866. 282 с.
- Стегленко, 2015** – Стегленко Е.В. Культура северокавказских сообществ в характеристиках донского историка Е.П. Савельева // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 11. С. 148-151.
- Стегленко, 2016** – Стегленко Е.В. Е.П. Савельев о взаимоотношениях русских властей и войска донского и инкорпорации казачества в состав России // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2016. № 1 (189). С. 66-69.
- Сухоруков, 1867** – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Т. I. Новочеркасск, 1867. 324 с.
- Сухоруков, 1903** – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. 471 с.
- Хлыстов, 1962** – Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. 60-е – середина 90-х годов XIX в. Ростов-на-Дону, 1962. 331 с.
- Щербина, 1910** – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. I. Екатеринодар, 1910. 734 с.
- Юрченко, 2013** – Юрченко И.Ю. История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий: Историография казачества. Кн. 1. М., 2013. 455 с.

References

- Agafonov, 2001** – Agafonov, A.I. (2001). *Istoriya Donskogo kraya (XVI – pervaya polovina XIX v. Istoricheskie istochniki i ikh izuchenie)* [History of the Don region (XVI – first half of the XIX century. Historical sources and their study)]. Rostov-on-Don. P. 384. [in Russian]
- Artinskii, 1907** – Artinskii, I.P. (1907). *Ocherk istorii Novoчеркасской voiskovoi gimnazii* [Essay about the history of the Novoчеркасс regional gymnasium]. Novoчеркасс. P. 469. [in Russian]
- Doncy..., 2003** – Doncy XIX veka [Don people of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]
- Kamozin, 2006** – Kamozin, E.E. (2006). *Neopublikovannye istoricheskie zametki Kh.I. Popova i razvitie donskoi regional'noi istoricheskoi nauki vtoroi poloviny XIX - nachala XX veka* [Unpublished historical notes of H. I. Popov and the development of the Don regional historical science of the second half of XIX-beginning of XX century]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 2: 33-36. [in Russian]
- Karasev, 1898** – Karasev, A.A. (1898). *Istoriya donskoi istorii* [History of Don History]. *Russkii arkhiv*. 12: 593-599. [in Russian]
- Khlystov, 1962** – Khlystov, I.P. (1962). *Don v epokhu kapitalizma. 60-e - seredina 90-kh godov XIX v.* [Don in the era of capitalism. 60s – mid 90s of the XIX century]. Rostov-on-Don. P. 331. [in Russian]
- Kirillov, 1909** – Kirillov, A.A. (1909). *Kratkoe obozrenie istorii o donskikh kazakakh* [Brief review of the history of the Don Cossacks]. Novoчеркасс. P. 41. [in Russian]
- Korshikov, Korolev, 2001** – Korshikov, N.S., Korolev, V.N. (2001). *Istoriik Dona V.D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo»* [Historian of the Don V.D. Sukhorukov and his "Historical description of the Don Host Oblast"]. Sukhorukov V.D. *Historical description of the Don Host Oblast*. Rostov-on-Don, 2001. Pp. 7-18 [in Russian].
- Krasnov, 1863** – Krasnov, N.I. (1863). *Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo* [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]
- Krasnov, 1875** – Krasnov, N.I. (1875). *Aleksei Vasil'evich Ilovaiskii, ataman Voiska Donskogo* [Alexei Vasilievich Ilovaisky, ataman of the Don Cossacks]. *Russkaya starina*. XII: 701-718. [in Russian]
- Krasnov, 1881** – Krasnov, N.I. (1881). *Istoricheskie ocherki Dona. Bor'ba Chernysheva s voiskovymi atamanami* [Historical essays about the Don. Chernyshev's struggle with regional atamans]. *Russkaya rech'*. 8: 32-64. [in Russian]
- Linin, 1941** – Linin, A.M. (1941). *Istoriik Voiska Donskogo V.D. Sukhorukov i A.S. Pushkin* [Historian of the Don Army V.D. Sukhorukov and A.S. Pushkin]. A.S. Pushkin na Donu. Rostov-on-Don. Pp. 94-152. [in Russian]
- Malovichko, Rummyantseva 2012a** – Malovichko, S.I., Rummyantseva, M.F. (2012). *Terminologicheskie problemy izucheniya istorii lokusa* [Terminological problems of studying of the history of the locus]. *Regional'naya istoriya, lokal'naya istoriya, istoricheskoe kraevedenie v predmetnykh polyakh sovremennogo istoricheskogo znaniya*. Izhevsk. Pp. 3-10. [in Russian]

[Malovichko, Rummyantseva 2012b](#) – Malovichko, S.I., Rummyantseva, M.F. (2012). Istoriya lokusa v klassicheskoi, neklassicheskoi i postneklassicheskoi modelyakh istoricheskoi nauki [The history of the locus in the classical, non-classical and post-non-classical models of historical science]. *Regional'na istoriya Ukraini*. Kyiv. 6: 9-22. [in Russian]

[Mininkov, 2010](#) – *Mininkov, N.A.* (2010). Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka [The practice of historiography and the emergence of historical science in the culture of the Don of the first half of the XIX century]. *Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisanie*. M. Pp. 266-285. [in Russian]

[Mininkov, 2018](#) – *Mininkov, N.A.* (2018). Nauchnaya shkola istochnikovedeniya, metodologii istorii i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin A.P. Pronshteina v IIMO YuFU [Scientific School of Source Study, Methodology of History and Special Historical Disciplines of A.P. Pronshtein in IHIR SFedU]. *Novoe proshloe/The New Past*. 1: 98-119. [in Russian]

[Miniskov, 2016](#) – *Mininkov, N.A.* (2016). Issledovateli Dona Ivan Vasil'evich Timoshchenkov i Fedor Kalinich Trailin [Researchers of Don region Ivan Vasilievich Timoshchenkov and Fedor Kalinich Trailin]. Rostov-on-Don. P. 164. [in Russian]

[Nomikosov, 1884](#) – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 774. [in Russian]

[Popov, 1814](#) – *Popov, A.P.* (1814). Istoriya o Donskom voiske [History about the Don Host]. Kharkov. P. 198. [in Russian]

[Pudavov, 1890](#) – *Pudavov, V.M.* (1890). Istoriya voiska Donskogo i starobytnost' nachal kazachestva [The history of the Don Host and the antiquity of the basis of the Cossacks]. Novocherkassk. P. 328. [in Russian]

[Savel'ev, 1908](#) – *Savel'ev, E.P.* (1908). Kak nuzhno pisat' istoriyu voobshche, a donskogo kazachestva v chastnosti [How to write history in general, and the Don Cossacks in particular]. *Donskie oblastnye vedomosti*. 219: 3-4. [in Russian]

[Senyutkin, 1854](#) – *Senyutkin, M.Kh.* (1854). Voennye deistviya dontsov protiv krymskogo khana Devlet-Gireya i samozvantsa Pugacheva [Military actions of the Don people against the Crimean Khan Devlet-Girey and the impostor Pugachev]. *Sovremennik*. XLVI: 43-131. [in Russian]

[Senyutkin, 1860](#) – *Senyutkin, M.Kh.* (1860). Voennye deistviya dontsov protiv nogaiskikh tatar v 1777–1783 gg. [Military operations of the Don people against the Nogai Tatars in 1777–1783]. *Voennyi sbornik*. 8: 345-390. [in Russian]

[Senyutkin, 1866](#) – *Senyutkin, M.Kh.* (1866). Dontsy [Don people]. Vol. 2. M. P. 282. [in Russian]

[Shcherbina, 1910](#) – *Shcherbina, F.A.* (1910). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [History of the Kuban Cossack Host]. Vol. I. Ekaterinodar. P. 734. [in Russian]

[Steglenko, 2015](#) – *Steglenko, E.V.* (2015). Kul'tura severokavkazskikh soobshchestv v kharakteristikakh donskogo istorika E.P. Savel'eva [The culture of North Caucasian communities in description of a Don historian E.P. Savelyev]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 11: 148-151. [in Russian]

[Steglenko, 2016](#) – *Steglenko, E.V.* (2016). E.P. Savel'ev o vzaimootnosheniyakh russkikh vlastei i voiska donskogo i inkorporatsii kazachestva v sostav Rossii [E.P. Savelyev about the relationship between the Russian authorities and the Don Hosts and the incorporation of the Cossacks into Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 1(189): 66-69. [in Russian]

[Sukhorukov, 1867](#) – *Sukhorukov, V.D.* (1867). Istoricheskoe opisanie zemli Voiska Donskogo [Historical description of the land of the Don Host Oblast]. Vol. I. Novocherkassk. P. 324. [in Russian]

[Sukhorukov, 1903](#) – *Sukhorukov, V.D.* (1903). Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo [Historical description of the land of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 471. [in Russian]

[Volvenko, 2006](#) – *Volvenko, A.A.* (2006). Kak donskim kazakam istoriyu khoteli napisat'... Ofitsial'nyi zakaz, istorik i mestnaya administratsiya (1902–1912 gg.) [As for the Don Cossacks, history was written ... Official order, historian and local administration (1902–1912)]. *Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka*. SPb. Pp. 115-125. [in Russian]

[Yurchenko, 2013](#) – *Yurchenko, I.Yu.* (2013). Istoriya izucheniya kazachestva v otechestvennoi i emigrantskoi istoriografii XV–XX stoletii: Istoriografiya kazachestva [The history of the study of the Cossacks in national and emigrant historiography of the XV–XX centuries: historiography of the cossacks]. Kn. 1. M. P. 455. [in Russian]

Между местной и национальной историей: анализ специфики донской дореволюционной историографии

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики донской дореволюционной историографии на основании концепций Н.А. Мининкова (впервые отнесшего труды донских дореволюционных авторов к историописанию, а не к исторической науке), С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой (введших специальный термин «местная история» для определения трудов историков-любителей XIX в. о родном крае). В качестве объекта анализа избран труд крупнейшего донского дореволюционного историка-любителя А.А. Кириллова «Краткое обозрение истории о донских казаках», в котором даются оценки различных текстов по истории Войска Донского, поскольку именно данный текст, написанный в 1909 г., во многом систематизирует и подводит итог рефлексиям донских дореволюционных авторов об исторической науке.

Автор показывает, что недостижимой целью для А.А. Кириллова и целого ряда его предшественников (А.А. Леонов, А.А. Карасев, М.Х. Сенюткин и др.) была книга, в которой систематически и последовательно описывалась бы история донского казачества. Донские авторы достаточно ясно описывали эту книгу, чтобы мы могли сказать, что она не могла быть однозначно отнесена к местной истории (история донского казачества должна была рассматриваться как самостоятельный феномен, научный уровень книги должен был соответствовать практикам современных историков, а компетенции историков России считались недостаточными для написания исследования о донских казаках). Однако и идея трактовки истории казачества как отдельной национальной истории категорически отвергалась, осуждались даже случаи уподобления раннего Донского Войска независимой республике со стороны профессиональных русских историков. В итоге донская историография заняла промежуточное положение между местной историей и национальной историографией народа, входившего в состав империи.

Ключевые слова: историография, местная история, национальная история, донское казачество, историки-любители, историописание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)